

EDN: TXWFEC

Редакторская заметка

Editorial

ВЕЧНЫЙ ВОПРОС ОБ ИНТЕГРАЦИИ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Поводом для этой реплики послужила только что опубликованная монография о создании Новосибирского государственного университета и первом десятилетии его деятельности¹. Не менее 70 лет в России на всех уровнях вертикали власти говорится о необходимости интеграции науки и образования. За это время ясно осознано и даже практически подтверждено, что их интеграция позволяет существенно повысить уровень подготовки кадров для разных сфер общественного производства, включая саму науку. Хорошо осознаны многие трудности интеграции науки и образования. Внимание и интерес государственной власти к этой задаче периодически резко повышаются. В XXI в. так было, например, в 2004 г., когда этот вопрос был вынесен на обсуждение в Совете по науке, технологиям и образованию при Президенте РФ². И за полгода до этого В. В. Путин на предыдущем заседании Совета говорил об интеграции науки и образования в своём докладе.

Делаются и практические, иногда крупные, шаги, направленные на интеграцию науки и образования. Из последних следует выделить учреждение статуса исследовательского университета и наделение им трёх десятков вузов, что по замыслу было, очевидно, направлено на интеграцию исследовательской и образовательной деятельности в этих вузах. К числу таких шагов следует отнести отстранение академической корпорации от непосредственного управления академическими институтами (2013 г.) с последующей их передачей транзитом через Федеральное агентство научных организаций (ФАНО) Министерству науки и образования (2018 г.), что по замыслу, вероятно, должно было устранить ведомственную разобщённость научной и образовательной сфер деятельности. К сожалению, этот и более ранний отечественный опыт слабо изучен. Каждый раз всё начинается с нуля без анализа и оценки предыдущих реформ, их непосредственных результатов и широких последствий. Остаётся без ответа даже вопрос о том, почему и в настоящее время проблема разобщённости науки и образования, а, следовательно, и задача их интеграции стоят не менее остро, чем в середине XX в.

¹ Выборнова В. А., Федорук М. П. Новосибирский государственный университет. Первое десятилетие (1959–1968) / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск : ИПЦ НГУ, 2024. 294 с.

² Стенографический отчёт о заседании Совета по науке, технологиям и образованию // Президент России : [сайт]. 2004. 26 октября. URL: <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22662> (дата обращения: 21.11.2024).

История редко проходит совсем уж впустую. За семь с лишним десятилетий в стране накоплен успешный, хотя и локальный, опыт глубокой интеграции науки и образования, имеющий большую практическую ценность. Причём советский опыт представляется более основательным, чем постсоветский. Примером действительно успешной интеграции науки и образования могут служить оригинальные модели исследовательского университета, практически воплощённые в МФТИ (1951 г.) и НГУ (1959 г.). Авторы указанной монографии – В. А. Выборнова и М. П. Федорук – справедливо квалифицируют МФТИ как исследовательский технологический университет, а НГУ – как исследовательский классический университет. Хотя НГУ создавался той же командой, которая ранее создала МФТИ, по образцу последнего – по «системе Физтеха», фактически была разработана другая модель вуза. МФТИ – узкопрофильный, технологически ориентированный вуз, НГУ – многопрофильный (классический) университет, нацеленный на подготовку научных кадров для широкого спектра наук, но с акцентом на кадровое пополнение СО АН СССР. С самого начала НГУ органично встроено в структуру СО АН, что обеспечивало исходную интегрированность исследовательской и образовательной деятельности. Именно это осуществляется в российских условиях особенно трудно из-за обособленности научных и образовательных организаций. МФТИ и НГУ – первые в нашей стране настоящие исследовательские университеты, основанные на **исходной интегрированности исследовательской и образовательной деятельности**.

В СССР наука строго делилась на академическую, вузовскую и отраслевую (сейчас эти секторы науки называются академическим, университетским и корпоративным). В США академической называется университетская наука. Наука там сконцентрирована либо в университетах, либо в корпоративном секторе. В такой системе исследовательские университеты являются органичным элементом академической (=университетской) науки. В них сосредоточено научное оборудование, позволяющее проводить научные исследования на современном уровне. В них одними и теми же людьми осуществляется исследовательский и образовательный процесс. На исследования и преподавание выделяется оплачиваемое рабочее время. В Европе исследовательские университеты тоже органичны из-за концентрации в них научного оборудования и исследователей. В Германии, например, практически в каждом университете есть современное сложное научное оборудование, в т. ч. ядерные реакторы (в настоящее время многие исследовательские реакторы из-за отношения к ядерной энергетике остановлены). В таких вузах естественно вести исследования и включать в них обучаемых студентов. В большинстве российских университетов ядерных реакторов нет, как и многого другого оборудования. Преподаватели ведут исследования, не имея для этого достаточного оплачиваемого рабочего времени и необходимых материально-технических ресурсов. Исторически в нашей стране сложилась и существует в настоящее время другая организация науки и образования, что требует своеобразных форм их интеграции. Проект создания НГУ как исследовательского университета был основательным, не имитационным решением проблемы.

Почему НГУ, не имеющий собственной мощной материально-технической базы, можно считать исследовательским? Потому что вся необходимая материально-техническая база имеется в шаговой доступности в институтах СО АН СССР, а сам университет исходно интегрирован в их систему. Преподавали в вузе в основном исследователи из институтов СО АН, а не штатные преподаватели, хотя добиться этого от властной вертикали того времени было невероятно трудно. Совместители и почасовики в советской системе были исключением, поскольку аксиомой считалось то, что человек должен работать на одном месте. Но в НГУ ведущие учёные из институтов Сибирского отделения руководили факультетами и кафедрами, преподавали и занимались специализацией студентов. Девизом председателя СО АН М. А. Лаврентьева были слова «Нет учёного без учеников». Это, конечно, неправда, но полезная. Совместители из числа ведущих учёных устойчиво составляли примерно треть профессорско-преподавательского состава. Ещё треть составляли молодые исследователи, работавшие в университете на условиях почасовой оплаты. Треть приходилась на штатных преподавателей, работавших в основном на кафедрах физвоспитания, военной подготовки, иностранных языков, а также на гуманитарном факультете, для которого не хватало преподавателей из числа учёных в силу малого размера и узкой специализации гуманитарного сегмента СО АН.

Почему при всей привлекательности такой модели интеграции науки и образования, не требовавшей коренной ломки исторически сложившейся в стране системы организации науки и образования, за шесть-семь десятилетий не произошло её масштабирования? Понятно, что всякое творчество затруднено в условиях косного по своей природе бюрократического управления и тщательно охраняемой отраслевыми группами бюрократии ведомственной обособленности своих «зон кормления». Но есть и особенности самой модели, затрудняющие её буквальное масштабирование. НГУ – исследовательский классический, но при этом ещё и корпоративный университет, подобный современным корпоративным университетам крупных компаний, таких, например, как «Самсунг» или «Сони». Модель НГУ – это модель корпоративного академического университета, буквальное масштабирование которой за пределами академического сегмента науки невозможно. Её можно использовать при конструировании моделей университетов, готовящих кадры для других сфер общественного производства, а не буквально переносить на них. В случае с НГУ требовалась исходная интегрированность научно-исследовательской и образовательной деятельности, в других случаях может потребоваться, например, интеграция инженерной и образовательной деятельности. Свои особенности будут и в сферах здравоохранения, управления, оборонной промышленности и т. д. Наука при этом – обязательный участник процесса, но её место и роль в нём всякий раз должны уточняться.

Если страна будет развиваться не по пути коренных ломки и демонтажа всего ранее созданного, то естественный путь России – это многообразие форм интеграции науки и образования при сохранении исторически сложившейся организации академической науки. Многие академические институты являются ценным национальным достоянием, требующим бережного к себе отношения. Глубокая интеграция науки и образования возможна в самых разных

формах – и посредством создания университетов, встроенных в академическую систему, и путём встраивания академических институтов в крупные университеты, и посредством учреждения корпоративных университетов успешных компаний с участием научных организаций в этом комплексе, и посредством создания базовых кафедр, а также других форм. В любом случае необходимо изучение и осмысление накопленного в стране успешного опыта интеграции науки и образования, а не прожектёрство.

Е. В. Семёнов